

Прочитайте текст и выполните задания 23–27.

(1) Степь без конца и края тянулась на все концы света, тучные дымы пожаров вставали на горизонте, и только далеко-далеко на востоке необыкновенно чистые, ясные, витые облака кучились в голубом небе, и не было бы ничего удивительного, если бы вылетели из этих облаков белые ангелы с серебряными трубами.

(2) И вспомнилась Олегу мама с мягкими, добрыми руками...

«(3)...Мама, мама! (4) Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. (5) За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и к весне — он был такой ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. (6) А может быть, они были и грубее, руки твои, — ведь им столько выпало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в тёмные жилочки.

(7) Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжёлый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. (8) Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были ещё так малы, что походили на пелёнки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка. (9) Я вижу твои с чуть утолщёнными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а-ба, ба-ба». (10) Я вижу, как сильной рукой своею ты подводишь серп под жито, сломленное жменью¹ другой руки прямо на серп, вижу неуловимое сверкание серпа и потом это мгновенное плавное, такое женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

(11) Я помню твои руки, несгибающиеся, красные, залубеневшие от студёной воды в проруби, где ты полоскала бельё, когда мы жили одни, — казалось, совсем одни на свете, — и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела — пела только для себя и для меня. (12) Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! (13) Я видел, как они месили глину с коровьим помётом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шёлка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдавским вином. (14) А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки, — отчима, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

(15) Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие тёплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. (16) И когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. (17) Я целую чистые, святые руки твои!

(18) Ты проводила на войну сыновей, — если не ты, так другая, такая же, как ты, — иных ты уже не дождёшься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. (19) Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды² на поле, и бегут по рельсам поезда́, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в домне³, и чья-то незримая сила подымает воина с земли или с постели, когда он заболел или ранен, — всё это сделали руки матери моей — моей, и его, и его.

(20) Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя седеют наши матери? (21) А ведь придёт час, когда мучительным упрёком сердцу обернётся всё это у материнской могилы.

(22) Мама, мама!.. (23) Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости...»

(24) Такие мысли и чувства теснились в душе Олега. (25) Он уже не мог забыть того, что мать его осталась в немецкой оккупации и бабушка Вера, «подруга дней моих суровых», которая тоже была мамой, мамой его матери и дяди Коли, тоже осталась там.

(26) И лицо Олега стало серьёзным, неподвижным, большие глаза в тёмно-золотистых ресницах заволоклись влажной пеленой. (27) Он сидел, ссутулившись, свесив ноги, сцепив длинные сильные пальцы больших рук, и резкие продольные морщины легли у него на лбу.

(По А. А. Фадееву*)

*Александр Александрович Фадеев (1901–1956) — русский, советский писатель и общественный деятель, журналист, военный корреспондент.

¹Жменя — горсть (нар. -разг.), т. е. ладонь и пальцы руки, согнутые так, чтобы ими можно было удержать или захватить, зачерпнуть что-либо.

²Скирдá — большой, обычно продолговатый стог сена (соломы) или сложенные по особому способу снопы хлеба для хранения под открытым небом.

³Домна — шахтная печь для выплавки чугуна.

Среди предложений 2–6 найдите такое(-ие), которое(-ые) связано(-ы) с предыдущим при помощи личного местоимения. Запишите номер(-а) этого(-их) предложения(-ий).